

Алексей Гиппиус

**«Чепура пыта, Пыпна рекла»:
надпись XI в. на пряслице из Вышгорода**

С предметом настоящей заметки автор познакомился в 2007 г., получив от Татьяны Вилкул прорисовку надписи на шиферном пряслице из Вышгорода (рис. 1), готовившемся к публикации Р.С. Орловым и В.К. Козюбой. Надпись поражала уже своим размером, насчитывая 58 букв, что более чем вдвое превышало длину самых больших известных к тому времени надписей данной категории¹. Неординарным было и содержание текста. Спустя некоторое время я сообщил Т.Л. Вилкул свою версию прочтения, и она была опубликована Р.С. Орловым и В.К. Козюбой вместе с версией, предложенной А.Б. и О.Б. Страховыми, изучавшими надпись независимо и пришедшими к совсем иному результату². Киевские археологи детально проанализировали в своей статье палеографию граффито, но воздержались от собственной интерпретации текста, предоставив судить об этом профессиональным филологам.

В настоящей статье мы хотели бы, во-первых, внести ряд коррективов в предложенное ранее чтение и, во-вторых, снабдить его необходимым комментарием. Сначала, однако, приведём общие сведения о предмете. Шиферное (пирофиллитовое) пряслице высотой 1,75 см и диаметром 2,6 см было обнаружено в 1996 г. при раскопках детинца древнего Вышгорода, на участке к северу от Борисоглебской церкви. Как сообщают публикаторы,

пряслице найдено в плотном суглинистом слое под прослойкой строительного горизонта, связанного с возведением Борисоглебского храма (70-е гг. XI в. — 1115 г.). На 0,2 м ниже уровня находки зафиксирована горелая прослойка, которая, судя по происходящей из неё керамике, может быть отнесена к середине — второй половине XI в. Сам суглинистый слой (в нём на том же участке обнаружены ещё два пирофиллитовых пряслица и книжная застёжка), вероятно, можно связать с боль-

1 Таковыми были на тот момент надписи на пряслицах из Киева (лнька вьдала пряслень жирьць) и Любеча (иванць с ъвдотеєю одіна дш[а]). Первая насчитывает 25, вторая — 23 буквы. См.: Мединцева А.А. *Грамотность в Древней Руси: по памятникам эпиграфики X — первой половины XIII века*. М., 2000, 53, 56.

2 Орлов Р.С., Козюба В.К. Нова знахідка пряслиця з графіті з Вишгорода. *Археологія*. 3 (2008), 35–39.

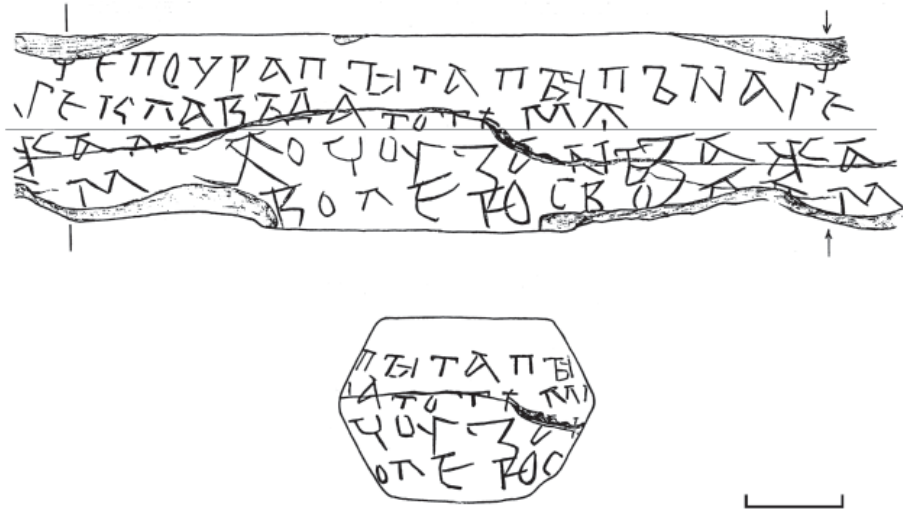

Рис. 1.

шими планировочно-нивелировочными работами, которые предшествовали сооружению каменного храма. Таким образом, согласно стратиграфии, археологизация пряслица с надписью произошла не позже последней четверти XI в.³

В другом месте статьи авторы сужают стратиграфическую датировку до третьей четверти XI в.⁴ Таким образом, мы гарантированно имеем дело с одним из древнейших памятников восточнославянской бытовой письменности.

Трудности интерпретации надписи во многом связаны с идентификацией букв. Приведём транскрипцию граффито, данную публикаторами:

епоурапгытапгыпънаг
 еклавъдототъма
 зажда[г?]хочоузанъ
 дамволенуво

Сразу заметим, что принятое Р.С. Орловым и В.К. Козюбой деление на четыре строки не отражает реального расположения текста, написанного по спирали и, по существу, представляющего собой одну длинную строку. Однако для удобства сопоставления сохраним это членение, характеризуя отличия нашей первоначальной транскрипции от приведённой выше. Эти отличия заключались в следующем.

3 Орлов Р.С., Козюба В.К. *Нова знахідка пряслиця*, 35.

4 Орлов Р.С., Козюба В.К. *Нова знахідка пряслиця*, 38.

Во-первых, последнюю букву первой строки мы прочли не как г, а как р, имея в виду, что подобные «г-образные» р (по А.А. Зализняку, «широкие, с открытой петлей») не только встречаются в ранних берестяных грамотах, но и могут сочетаться с другими вариантами буквы в одних и тех же текстах (например, в грамоте № 752 конца XI — начала XII вв.). Неустойчивость начерков, как отмечают Р.С. Орлов и В.К. Козюба, характеризует и письмо надписи на пряслице.

Во-вторых, последовательности **тотѣ** во второй строке в нашей транскрипции соответствовало [ютѣ]. Мы предполагали, что знак, трактованный публикаторами как **т**, — это в действительности мачта от ю с большой засечкой, такой же, как у ю в последней строке.

В-третьих, в четвёртой строке, между буквами **м** и **в**, следующими в транскрипции издателей одна за другой, в нашей транскрипции находится буква, от которой видно только покрытие. Р.С. Орлов и В.К. Козюба трактуют этот штрих как левую нижнюю засечку от расположенного выше **х**, однако у других букв надписи нижние засечки отсутствуют и для палеографии бытовых текстов этого времени они в принципе не свойственны. С другой стороны, расстояние между **м** и **в** заставляет думать, что здесь находилась ещё одна буква.

Определяя таким образом буквенный состав надписи и трактуя её как одноеровую, мы предложили читать текст следующим образом:

Чепура пыга — Пыпна рекла: «Вѣда[ю]тѣ ма за Жада[ѣ], хочоу за нь, да м[а] волею сво[єю...]»⁵.

Чепура спросила — Пыпна сказала: «Выдают меня за Жада, хочу за него, и он меня своей волей (выбрал? берёт?)».

Ситуацию, в которой было сделано граффито, мы понимали так: Чепура и Пыпна — подруги, и надпись зафиксировала их доверительный разговор о предстоящей свадьбе Пыпны. Аналогия такой интерпретации виделась нам в уже указанной надписи на пряслице из Киева, также упоминающей двух подруг: **Янѣка вѣдала пряслень Жирѣцѣ**.

Опубликовав наше прочтение вместе с прочтением Страховых⁶, Р.С. Орлов и В.К. Козюба согласились с нашей трактовкой второй части надписи (начиная со слов **ма за Жада[ѣ]**), а также с интерпретацией первого имени как **Чепура**. Одновременно они отметили, что конъектура ю вместо **то** в слове **вѣдаютѣ** неправомерна: «Начертания буквы **о** действительно не очень четки, и не исключено, что здесь могла стоять и другая буква, но написание

5 В публикации наша транскрипция передана неточно: вместо **вѣда[ю]тѣ** напечатано **вѣда [ю?]тѣ**.

6 Приведём это прочтение так, как оно передано в публикации (без пунктуации в переводе), не комментируя отличий от нашей версии, поскольку преимущества последней представляются нам очевидными: **епура пыга пыпна ге кавѣда тотѣ ма зажада[а] хочоу занѣ волею сво[єю]м**. Перевод: ‘Епіфан питає попину втретє Клавдія тотє мене захотіла хочу тому що волею своєю м...’.

Рис. 2.

буквы **т** не вызывает сомнений (у перекладины знака есть боковые засечки и отсутствует перемычка [необходимая для **ю** — А.Г.]»).

Вскоре после выхода статьи с публикацией надписи я имел возможность изучить её *de visu* в Вышгородском историко-культурном заповеднике и убедиться в том, что опубликованная издателями прорись в целом очень точно передаёт вид оригинала. Это относится и к букве **т**, которую действительно нет возможности трактовать так, как было предложено мной. Но, отказываясь от чтения **вѣдѣють**, я продолжаю думать, что транскрипция спорного места как **тотѣ** не допускает никакой осмысленной интерпретации. Решение для этого сложного места, которое на сегодняшний день кажется мне наиболее вероятным, состоит в следующем. Буква после первого **т**, которую Р.С. Орлов и В.К. Козюба определяют без полной уверенности, — не **о**, а **и** (на **и** она более всего похожа и на фотографии, рис. 2). Буква после второго **т** — не **ѣ**, а **є** — с покрытием и длинным язычком, как у других **є** в надписи, но написанное не очень чётко (писавшему приходилось здесь царапать по ребру биконического пряслица). Что же касается первого **т**, то его мы считаем написанным вместо **д** в силу предвосхищения **т** следующего слога (один из самых часто встречающихся типов ошибок). В таком случае перед нами форма 2-го л. мн. числа повелительного наклонения <**вѣдѣдите**>, записанная с одной ошибкой понятного происхождения. С этой поправкой к нашей первоначальной трактовке корреспондирует ещё одна. Слово **да** в заключительной синтагме я ранее понимал как союз, подозревая, что за *волею своєю* следовал глагол, обозначавший действие жениха (**береть**?) и не поместившийся на пряслице. Но, как верно замечают публикаторы, плотность письма

в конце надписи заметно меньше, чем в начале и середине, так что при желании писавший вполне мог бы уместить на оставшемся месте ещё одно слово. Более вероятно поэтому, что словом *своею* текст заканчивается. В таком случае *да* следует трактовать как императив *даи*, с графически не выраженным конечным *j*, что, ввиду имеющихся параллелей, можно считать даже не ошибкой, а допустимым в эту эпоху графическим эффектом⁷.

С этими поправками текст приобретает следующий вид:

Чепура пыта — Пыпна рекла: «Въдатите ма за Жад[ъ], хочоу за нь, да ма волею сво(ею)».

Или, в нормализованной записи:

Чепура пыта — Пыпна рекла: «Въда<д>ите ма за Жадъ, хочоу за нь, да<и> ма волею сво(ею)».

Комментарий к надписи начнём с имён действующих лиц. Имя *Чепура* связано с нарицательным *чепура* ‘цапля’ (представлено в русской, украинской и белорусской орнитологических номенклатурах) и, через него, — с глаголом *чепурити(ся)* и его вариантами, фиксируемыми в восточнославянских языках и диалектах в значениях ‘прихорашиваться, важничать, щеголевато одеваться’; сам же глагол этимологизируется как сочетание экспрессивной приставки *че-* и глагольной основы *-puriti*⁸. Из отражений этого слова в антропонимике укажем в первую очередь на распространённую украинскую фамилию *Чепура*.

Имя *Пыпна* можно связать с русск. диал. *пыплить*, *пыпнить* ‘копаться, делать ч.-л. медленно’, *пыпля* ‘нерешительный человек, лентяй’, блр. *пыпліць*, *пыпніць* ‘мешкать’, *пыпкаць* ‘мямлить’⁹. С другой стороны, оно может быть родственно русск. диал. *пыпа* ‘мука из овса или ячменя’¹⁰ откуда старорусское прозвище *Пыпа*¹¹ и фамилия *Пыпин*; ср. также русск. диал. *пыпка* ‘шутливое обращение к ребёнку’ (33: 194). Заметим, что *пыпна* связано с исходным *пыпа* так же, как *гривьна* — с *грива*, *копъна* — с *копа*, *рогозьна* — с *рогоза*¹².

7 Ср. др в императивах: *помилоу ма* в надписи Домки Безуевича в Софии Константинопольской (Артамонов Ю.А., Гиппиус А.А., Зайцев И.В. Из древнерусской эпиграфики Софии Константинопольской, *Ruthenica* VIII (2009), 230), *прости и ѿда* в граффито № 210 Софии Новгородской, *помил-у раба Михалу* в надписи из собора Рождества Богородицы Антониева монастыря в Новгороде (Гиппиус А.А., Зализняк А.А. *Надписи-граффити в соборе Рождества Богородицы Антониева монастыря*, Лифшиц Л.И., Сарабянов В.Д., Царевская Т.Ю. *Монументальная живопись Великого Новгорода конца XI — первой четверти XII века*. М., 2004, 776).

8 *Этимологический словарь славянских языков*. Т. 4. Москва, 1977, 56.

9 Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 3. М., 1987, 419.

10 *Словарь русских народных говоров*. Т. 33. М., 1999, 194.

11 Тупилов Н.М. *Словарь древнерусских личных собственных имен*. Санкт-Петербург, 1903, 384.

12 В 2012 г. в Новгороде в раскопе на Большой Московской улице в слое XII в. было найдено шиферное пряслице с надписью *лифна*. Это слово, по-видимому, следует понимать как запись имени *Липьна*, объясняя *ф* гиперкорректной заменой *п* по модели: разговорное *Степань* — книжное *Стефань*. Структурно *Липьна* и *Пыпна* устроены одинаково.

Имя избранника *Пыпны* — *Жадъ* — соотносится с древнерусским *жадѣти, жадати*¹³. От него происходит название села *Жадово* в Черниговской области. В сочетании *за Жадъ* выступает старая форма аккузатива без выражения одушевлённости, в целом нехарактерная для личных имён, раньше других существительных развивших новую форму винительного падежа, совпадающую с формой родительного. Употребление её в надписи может быть обусловлено влиянием сочетания *за мужь*, в котором существительное *мужь* застыло в старой форме винительного падежа, при том что в свободном употреблении оно регулярно выступает в новой форме винительного падежа, равной форме родительного: *моужа*.

В то время, как роли в ситуации *Пыпны* и *Жада* вытекают из контекста граффито с полной определёностью, о *Чепуре* этого сказать нельзя. Грамматически это имя может быть как женским, так и мужским. Второе теперь представляется нам намного более вероятным. Адресатом просьбы *даи ма волею своєю* ‘выдай меня [замуж] согласно моему желанию’ есть все основания считать отца невесты. Если имя *Чепура* принадлежит ему, то перед нами не разговор подруг, как мы считали ранее, но диалог отца с дочерью о выборе для неё жениха. Для этой ситуации имеется хрестоматийная параллель — эпизод статьи 980 г. *Повести временных лет*, излагающий историю сватовства Владимира к Рогнеде:

И посла к Роговолоду Полотьску, глаголя: «Хощю пояти дщерь твою женѣ». Онъ же рече дщери своей: «Хощеши ли за Володимира?». Она же рече: «Не хощю розути Володимера, но Ярополка хочю»¹⁴.

Императив множественного числа *въдадите*, с которого начинается речь *Пыпны*, может быть понят как обращённый ко всему семейному коллективу, выдающему девушку замуж, — как известно, свадебный обряд мыслится в традиционной культуре как форма заключения союза двух родов. Роль отца невесты как главного представителя рода отчётливо видна в новгородской берестяной грамоте № 748 (середина XII в.), представляющей собой ответ девушки на расспросы одного из женихов. В письме, сохранившемся фрагментарно, сначала упоминался род невесты: «(въ чьс)ти ходити оу моего рода ... (оу) насъ въ чьсти ходити», после чего говорилось об отце, который должен выбрать одного из двух оставшихся женихов: «(из д)есати дьва а за которъ ма ѿдасть ...».

Идентификация *Чепуры* с отцом *Пыпны* — вероятная, но не единственно возможная. Глагол *пытати* может быть употреблён не в значении ‘спрашивать’, но как обрядовый термин. В этом качестве он засвидетельствован на юге России. «Предварительное сватовство здесь называлось *пытать* (то есть

13 Васильев В.Л. *Славянские топонимические древности Новгородской земли*. М., 2012, 321.

14 ПСРЛ 2: 63.

спрашивать родителей невесты об их намерениях). *Пытать* приходили три — четыре человека со стороны жениха: родной отец, крёстный отец, брат отца»¹⁵. Особо отметим смоленский диалектный пример: «Женихов батька *запытывает*, то про тую, то про тую девку» (372); субъектом «запытывания» здесь выступает отец жениха («женихов батька»). Осмысляя ситуацию надписи по этой модели, в Чепуре можно видеть отца Жада, переводя текст так: «Чепура узнавал — Пыпна сказала [своим родным]: выдайте меня за Жада, хочу за него, отдай меня, [батюшка], по моей воле!». Это может показаться излишним усложнением коммуникативной ситуации: приходится считать, что слова Пыпны, выражающее её согласие на предложение Чепуры, адресованы не самому Чепуре, но прямо не названной в тексте родне девушки. Однако опосредованный характер коммуникации между невестой и представителями жениха предполагается самой логикой брачного обряда; с другой стороны, неэсплицированность очевидных для участников ситуации коммуникативных ролей свойственна раннедревнерусской бытовой письменности в целом¹⁶. Заметим также, что если глагол *пытати* употреблён в надписи как обрядовый термин, становится понятным, почему *пыта*, в отличие от *рекла*, не вводит прямой речи (в отличие от примера из *ПВЛ*, где реплики Рогнеды и Рогволода зеркально соответствуют друг другу).

Ещё одна возможность, развивающая ту же общую модель в более драматическом ключе, состоит в том, что Чепура и Жад — не отец и сын, а женихи, соперничающие из-за руки Пыпны. Реагируя на предложение Чепуры, Пыпна заявляет своей родне, что предпочитает Жада.

Отдельного лингвистического комментария заслуживает пара *въдадите* — *даи*. Помимо прагматически мотивированного различия в числе, эти формы противопоставлены ещё в двух отношениях — наличием/отсутствием приставки и глагольными основами: в первом случае перед нами старая нетематическая форма глагола *въдати*, во втором — новая форма от тематической основы *daj-*, этимологически принадлежащая глаголу несовершенного вида *даяти*. Формы *даи/даите* уже в раннюю эпоху вытесняют старые *дажь/дадите*, употребляясь в значении совершенного вида, однако старые атематические формы, чаще встречающиеся в древнерусских книжных текстах, всё же не чужды и языку бытовой письменности¹⁷, так что сочетание в нашем тексте архаизма и инновации не выглядит исключением. Что же касается приставки, то, как показал А.А. Зализняк, там, где речь идёт о передаче кон-

15 <https://www.culture.ru/objects/2819/svadebnyi-obryad-sela-sukhosolotino-ivnyanskogo-raionabelgorodskoi-oblasti>

16 Гиппиус А.А. *К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот*. Янин В.Л., Зализняк А.А., Гиппиус А.А. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000 гг.)*. М., 2004, 189–199.

17 См. бесспорные примеры в берестяных грамотах XII в.: *въдажь* 798, (*въ*)[*да*]ж[*ь*] 1060; вероятно, также *въдаже* 119.

кретного объекта, нормой для бытовых текстов XI — начала XIII вв. (по крайней мере, новгородских) является употребление *въдати*; примеры употребления в этот период бесприставочного *дати* носят единичный характер¹⁸. Характерным образом сразу три таких употребления приходится на грамоту № 644, в которой дважды представлен и глагол *въдати*. Присмотримся к распределению в тексте этих глаголов:

+ Ǫ Нѣжеке ко ЗавидѸ. Чемоу не восолеси чето ти есемо *водала* ковати. А *дала* тобѣ, а Нѣжатѣ не *дала*. Али чимо есемо виновата, а восоли отроко. А *водале* ми еси хамече. А чи за то не *даси*, а восоли ми вѣсть. А не сестра ѿ вамо, оже тако дѣлаете, не исправить ми ничето же. А во три колотокѣ вокѣе, то ти 4 золотьникѣ во кольцо тию.

Оба глагола используются в грамоте для обозначения действий автора и адресата письма. При этом и в тройке глаголов, обозначающих действия автора, и в паре, обозначающей действия адресата, приставку имеет только первый глагол, а следующие за ним её лишены. Таким образом, приставка как бы выносится за скобки, сопровождая лишь первое употребление глагола¹⁹. Двукратное воспроизведение этой модели в грамоте № 644 позволяет считать неслучайными и примеры из других грамот. Старая Русса № 15: (Ǫ) *Петра къ Василеви. Въдаи б коунъ и гривьноу Вышамѣ. Али ти не дастъ а пристави на нь отро(к)ъ*; № 211: ... *на село во Югичехо вдало юсомо, 5 гривено вхого соцкласа, и ѿ меже дахо сарати погостѸ*. Распределение *въда<д>ите / да<и>* в нашей надписи подчиняется, по-видимому, той же закономерности.

Морфологическая вариативность характеризует и первую фразу надписи, в которой один глагол стоит в форме аориста, а другой — в форме перфекта. Это распределение можно было бы объяснить различной грамматической семантикой двух временных форм, трактуя вопрос Чепуры как законченное действие в прошлом (обычно обозначаемое аористом), а ответ Пыпны — как высказывание, актуальное в настоящем (что соответствует значению перфекта). Более вероятно, однако, что выбор форм продиктован эвфоническими соображениями: в отличие от сочетания двух аористов (*пыта — рече*) или двух перфектов (*пыталь — рекла*) пара сказуемых *пыта — рекла* с исходами на ударный *а* эффектно дополняет пару подлежащих, также заканчивающихся на *а*, подчёркивая синтаксический параллелизм и гармонизируя звучание фразы в целом (в связи с чем стоит обратить внимание и на созвучие *пыта* —

18 Зализняк А.А. К изучению языка берестяных грамот. Зализняк А.А., Янин В.Л. *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.)*. М., 1993, 315.

19 Сходным образом при сочетании двух однородных возвратных глаголов показатель возвратности может быть употреблён только при первом из них: да не сѣмѣшаетъ сѧ срьдце ваше и не оустрашаетъ (Зографское ев., Ио 14: 27). Вайан А. *Руководство по старославянскому языку*. М., 1952, 385).

Пытна). Заметим, что и выбор старой формы винительного падежа *за Жадъ*, а не более ожидаемой для личного имени *за Жада*, может быть обусловлен созвучием с завершающим следующую синтагму *за нь*. Как и в начальной фразе, это созвучие оттеняет грамматический параллелизм: *въдадите ма за Жадъ и хочоу за нь* представляют собой определённо-личные односоставные предложения с препозицией сказуемого (в первой фразе, напротив, сказуемые стоят в постпозиции). Финальная клауза выполняет роль эмфазы, по сути, повторяя уже сказанное, при этом её части соотносятся с начальными компонентами двух предыдущих синтагм: *даи ма ~ въдадите ма, волею своею ~ хочоу за нь*. Перед нами изящная словесная композиция с выраженным ритмико-синтаксическим рисунком, хорошо отвечающим фольклорно-обрядовой природе текста:

Чепура пыга — Пыпна рекла:

«Въда<д>ите ма за Жадъ: хочоу за нь,

да<и> ма волею своею».

Разместить эту композицию на поверхности пряслица было непростой задачей, с которой писавший справился очень успешно. Вслед за издателями исполнителем надписи нужно признать автора текста, то есть, в нашей интерпретации, Пыпну. Вышгородское граффито оказывается, таким образом, ярчайшим свидетельством грамотности женской половины городского населения домонгольской Руси. Это свидетельство замечательно как своей древностью, так и тем, что демонстрирует не просто привычку к письму, но высокий уровень владения устным и письменным словом.

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

Институт славяноведения РАН